

I. Къ исторіи русскаго государственнаго лѣснаго управленія *).

(Воспоминанія изъ давно прошедшаго).

IV.

(Продолженіе).

Устройство лѣсовъ, по понятіямъ заграничнымъ, у насъ до 1837 г. вовсе не существовало. Въ Лисинской казенной дачѣ, Царсельскаго уѣзда, правда, уже въ 1835 году, тотчасъ послѣ учрежденія тамъ Егерскаго Училища, начали вводить нѣкоторый порядокъ и разбили дачу на кварталы, величиною въ одну квадратную версту, стали осушать болота, сѣять и садить лѣсъ, и все это дѣлалось по личному усмотрѣнію бывшаго въ то время директора училища, весьма опытнаго лѣсовода, В. В. Фрейрейса и ученаго лѣсничаго Е. А. Петерсона; общаго же плана хозяйства составлено не было и таксація лѣса не была произведена. Въ остальныхъ русскихъ лѣсахъ и подобнаго ничего не дѣлалось. Рубили вездѣ на прискъ деревья, гдѣ ихъ находили требуемыхъ размѣровъ, породъ и качества; мѣста для рубки не отводили; развѣ что при разрѣшеніяхъ на рубку оговаривали, на какомъ разстояніи отъ рѣкъ таковая дозволяется,—но версты въ натурѣ не были отмѣрены, личное усмотрѣніе лѣсничаго рѣшало на назначенномъ-ли разстояніи произведена рубка. Такимъ образомъ настезь открыты были двери широкому произволу. Центральное управленіе не имѣло

*) См. Лѣсной Журналъ 1883 г. № 1 и 10.

Лѣсной Журналъ, № 12. 1883 г.

полныхъ списковъ состоящихъ въ каждой губерніи лѣсныхъ дачъ, съ означеніемъ ихъ величины хотя бы приблизительно, и полагаюсь на гуртовья показанія, въ этомъ отношеніи, Казенныхъ Палатъ, а послѣднія, въ свою очередь, точныхъ свѣдѣній о лѣсахъ также не имѣли, хотя у нихъ и велись списки дачамъ, съ показаніемъ площадей. Списки эти были весьма не полны и часто не согласовались съ подобными же списками, находившимися у лѣсничихъ. Даже перечень дачъ, числящихся въ завѣдываніи у каждаго лѣсничаго, былъ не полный, такъ что и самъ лѣсничій не зналъ всѣхъ лѣсовъ, ввѣренныхъ его надзору. Отъ того, въ послѣдствіи, въ первые годы учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, оказалось, что многихъ малыхъ дачъ, значущихся въ спискахъ, давно уже не существовало и на мѣстѣ ихъ водворялись деревни и явились пашни и луга, а за то открыты были и такіе лѣса, нерѣдко весьма значительной величины, о которыхъ никто изъ начальствующихъ лицъ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ ихъ существованіе. Подобныхъ лѣсовъ отыскано много и они въ спискахъ и описаніяхъ появлялись въ теченіи десятка лѣтъ подъ названіями „пустопорожній лѣсъ“, „небывалый лѣсъ“, „открытая пустошь“ и т. д. Такимъ образомъ уже съ перваго года учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ выдвинулась впередъ задача скорѣйшаго приведенія въ извѣстность всѣхъ лѣсовъ, подлежащихъ вѣдѣнію лѣснаго управленія. Еще до открытія Палатъ Государственныхъ Имуществъ, сдѣлана была, въ лѣто 1837 года, попытка въ этомъ направленіи по С.-Петербургской губерніи. Для этой цѣли посланы были двое ученыхъ лѣсничихъ: Шель въ Петербургскій, Шлиссельбургскій и Новолодожскій уѣзды, а Перелыгинъ въ Лужскій и Гдовскій уѣзды. Къ нимъ въ помощь прикомандировали нѣсколькихъ воспитанниковъ старшаго класса Лѣснаго Института и большія партіи топографовъ. Въ числѣ прикомандированныхъ воспитанниковъ находился и я, сперва въ Шлиссельбургскомъ, а послѣ въ Новолодожскомъ уѣздахъ; главные распорядители, ученые лѣсничіе—заняты были составленіемъ общихъ соображеній насчетъ хозяйства, какое потребуется вести въ лѣсахъ; на помощникахъ ихъ, т. е. на воспитанникахъ Лѣснаго Института — лежала обязанность привести въ извѣстность, распросами у мѣстныхъ крестьянъ, нѣтъ ли въ волостяхъ такихъ казенныхъ лѣсовъ, которые не значатся въ напередъ изготовленныхъ спискахъ лѣсныхъ дачъ (такіе списки были составлены, ка-

жется, въ V Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи), а при отысканіи таковыхъ — въ составленіи имъ описанія: гдѣ они находятся, какую приблизительно занимаютъ площадь и какія растутъ древесныя породы; кромѣ того, мы должны были составлять возможно подробное описаніе состоянія лѣсовъ въ важнѣйшихъ дачахъ. Топографы заняты были съемкою лѣсовъ.

Военные топографы были люди, не первый разъ работавшіе, а потому и съемка общихъ границъ, нанесеніе прилегавшихъ чрезъ лѣса рѣкъ, дорогъ, очертаніе болотъ, — шло въ порядкѣ; что же касается до нанесенія отдѣльныхъ насажденій, то довольствовались отдѣленіемъ хвойныхъ отъ лиственныхъ насажденій. Совершенно въ иномъ положеніи находились воспитанники Лѣснаго Института: они въ первый разъ являлись къ практической дѣятельности и потому на первыхъ порахъ шли ощупью, какъ бы въ потемкахъ, принимались за дѣло нерѣшительно, часто задерживались на мелочахъ, упуская изъ вида главное. Руководить ими было некому, потому что ученые лѣсничіе, развѣзжавшіе на огромныхъ площадяхъ, появлялись у каждаго воспитанника въ теченіи всего лѣта разъ, много два. Во всякомъ случаѣ попытка приведенія въ извѣстность и описанія лѣсовъ, и предначертаніе въ нихъ хозяйства, по С.-Петербургской губерніи, не можетъ похвалиться блестящими результатами; все, чѣмъ можно было до нѣкоторой степени воспользоваться—были произведенная съемка и изготовленные планы.

Затѣмъ, съ открытіемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, въ видахъ скорѣйшаго приведенія въ извѣстность лѣсовъ, поручено было мѣстнымъ лѣснымъ чинамъ составить, по сокращенной формѣ, описаніе каждой отдѣльной дачи. Эта сокращенная форма описанія лѣсовъ, — составленная Е. А. Петерсономъ, — разослана была, въ видѣ печатныхъ бланковъ, во всѣ губерніи и описаніе каждой отдѣльной дачи помѣщалось на одномъ листѣ, каждая страница котораго имѣла свое особое назначеніе. На первой страницѣ, вверху, помѣщалось названіе губерніи, уѣзда, лѣсничества и дачи; номеръ, подъ которымъ послѣдняя значится въ инвентарныхъ спискахъ, съ объясненіемъ въ одной ли она окружной межѣ или состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей и въ какомъ разстояніи находятся таковыя одна отъ другой. Затѣмъ показывалась общая площадь, занятая лѣсною дачею. Требовалось при этомъ

отмѣтить, показана ли площадь по плану генеральнаго межеванія, или по плану новѣйшей съемки и какого года, или плана генеральнаго межеванія и новѣйшихъ съемокъ нѣтъ и площадь числится по глазомѣрному исчисленію. На нижней же половинѣ первой страницы, должно было быть показано, сколько изъ общей площади дачи занимаетъ лѣсная почва, сколько угодья и сколько неудобная земля. Если для отмѣтки этихъ свѣдѣній не имѣлось плановъ, изъ которыхъ можно бы заимствовать точныхъ свѣдѣній, то поручалось помѣстить эти данныя примѣрно, по глазомѣрному соображенію.

Вторая страница листа, вверху на первой ея трети, должна была заключать въ себѣ свѣдѣнія, какое лѣсное хозяйство существуетъ въ дачѣ, высокоствольное или низкоствольное; какой въ ней принять оборотъ рубки, какія господствующія въ ней насажденія относительно различія древесныхъ породъ и какую примѣрно площадь занимаютъ участки спѣлые, приспѣвающіе, молодые и прогалины. Спѣлыми велѣно было признавать всѣ насажденія, состоящія въ возрастѣ свыше $\frac{2}{3}$ лѣтъ оборота рубки; приспѣвающими—въ возрастѣ между $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ оборота рубки, а молодыми тѣ, которыя моложе $\frac{1}{3}$ оборота рубки.

Ниже, на той же второй страницѣ, отмѣчалось на лѣвой сторонѣ количество разнаго лѣснаго матеріала, назначаемого по смѣтѣ извѣстнаго года (года, предшествующаго составленію описанія) къ вырубкѣ, съ оцѣнкою по таксѣ; а на правой сторонѣ, количество лѣсныхъ матеріаловъ, поступившихъ въ дѣйствительности къ отпуску въ томъ же году и на какую сумму.

Третья страница дѣлилась на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Въ верхней половинѣ показывалось число объѣзчиковъ, опредѣленныхъ для охраненія дачи, съ отмѣткою, сколько каждый получаетъ содержанія и гдѣ каждый изъ нихъ живетъ; число семействъ постоянной лѣсной стражи, съ отмѣткою числа душъ, особо мужскаго и особо женскаго пола и гдѣ поселены; наконецъ число пожарныхъ старостъ и полѣсовщиковъ.

На нижней половинѣ третьей страницы перечислялись всѣ стоящія въ дачѣ оброчныя статьи, номера ихъ по окладнымъ книгамъ, площадь и доставляемый ими годовой доходъ.

Наконецъ, четвертая страница назначалась для общихъ замѣчаній, какія каждый составитель признаетъ нужнымъ сдѣлать отно-

сительно веденія въ дачѣ хозяйства, состоянія границъ и межевыхъ знаковъ, необходимости усиленія стражи и т. п.

Каждое такое описаніе должно было быть подписано: лѣсничимъ, составившимъ описаніе, и лицомъ, производившимъ повѣрку такого описанія въ натурѣ.

По мѣрѣ поступленія такихъ описаній, Лѣсной Департаментъ, въ послѣдствіи, потребовалъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ присылку общей карты губерніи, съ нанесеніемъ на ней границъ cadaго лѣсничества, положенія въ немъ каждой лѣсной дачи и мѣста жительства лѣсничаго.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній составлены были въ Лѣсномъ Департаментѣ подробныя вѣдомости по каждой губерніи, съ приложеніемъ карты расположенія лѣсовъ, ихъ площади, раздѣленія по лѣсничеству, рода владѣнія (т. е. собственно казенная ли дача размежеванная, или крестьянская, или размежеванная съ крестьянами, или общая, спорная, вѣзжая), какихъ годовъ съемки имѣются планы.

Эти вѣдомости, по каждой губерніи порознь, были переплетены и составляли, долгое время, главный документъ для справокъ о каждой лѣсной дачѣ.

Лѣсной Департаментъ вовсе не предавался тому самообольщенію, что составленное, вышеуказанное, описаніе лѣсовъ по сокращенной формѣ, могло устранить необходимость въ болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ. Нѣтъ, Департаментъ смотрѣлъ на собранный матеріалъ какъ на весьма поверхностный, во многихъ случаяхъ даже сомнительной вѣрности, но все таки соответствующій потребности, удовлетворенія которой невозможно было отложить до тѣхъ поръ, пока всѣ лѣса будутъ обмежеваны и съ должною достовѣрностью описаны. Съемка и устройство лѣсовъ должны были послѣдовать за предварительною, наскоро сдѣланною работою; причемъ и съемка и устройство лѣсовъ, понятно, потребуютъ много времени, особенно при тѣхъ, сравнительно съ предстоящимъ объемомъ работы, скудныхъ средствахъ, какими Министерство располагало.

Во всякомъ случаѣ для подобныхъ съемочныхъ и лѣсоустроительныхъ работъ прежде всего нужно было приготовить свѣдущихъ и добросовѣстныхъ исполнителей для приведенія въ дѣйствіе предначертаній Правительства, какъ это и высказано было графомъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ 5 апрѣля 1843 г.

Пословица говорить: „Безконный и въ Царѣградѣ пѣшитъ“ — такъ было и съ лѣснымъ управленіемъ. Вездѣ нужны были люди свѣдующіе, — а ихъ не хватало, да и не могло хватать, по чрезвычайно малому числу лицъ, обучавшихся въ прежнихъ лѣсныхъ училищахъ.

Исторія нашихъ специальныхъ по лѣсной части учебныхъ заведеній, съ самаго начала 19-го вѣка, указываетъ на чрезвычайно малый комплектъ обучавшихся. Въ 1800 году учреждень форст-мейстерскій классъ въ морскомъ корпусѣ, для обученія нѣкоторыхъ кадетъ лѣснымъ наукамъ. Сколько ихъ тамъ училось лѣснымъ наукамъ — неизвѣстно; затѣмъ по докладу Министра финансовъ 19 мая 1803 года учреждена въ Царскомъ селѣ первая лѣсная школа, въ которой по штату полагалось обучать 20 воспитанниковъ. Въ 1805 г. учреждено другое лѣсное училище въ Калужской губерніи, близъ Козельска, на 30 человекъ. Въ 1808 г. графомъ Орловымъ учреждень на Елагиномъ острову Лѣсной Институтъ на 12 человекъ. Царскосельское и Елагинское училища въ 1811 году переведены въ С.-Петербургъ и, слившись въ одно учрежденіе, получили названіе Форстъ-Института, съ помѣщеніемъ на 50 человекъ. Къ С.-Петербургскому Форстъ-Институту—въ 1813 году присоединено и переведенное изъ Козельска лѣсное училище.

Въ 1829 году штатъ этого заведенія увеличенъ до 78, а вскорѣ и до 108 учащихся.

Въ 1832 году учреждена при институтѣ школа межевщиковъ на 75 человекъ.

Въ этой организаціи П. Д. Киселевъ засталъ заведеніе въ 1837 году, когда ему поручено было образовать Министерство.

На службѣ по лѣсному управленію состояло къ 1837 году всего лицъ, получившихъ специальное образованіе, 84 человекъ.

Признавая, съ самаго начала, одною изъ насущныхъ потребностей—увеличить значительно спеціалистами составъ служащихъ по лѣсному управленію, П. Д. Киселевъ въ 1837 году, по Всеподданныйшему докладу 7 июля, преобразовалъ учебное заведеніе и составилъ его изъ Лѣснаго и Межеваго отдѣленія, подъ названіемъ Лѣснаго и Межеваго института, для котораго тогда же Высочайше утверждено и новое положеніе. Въ лѣсномъ отдѣленіи число воспитанниковъ увеличено до 200; въ межевомъ же отдѣленіи полагалось имѣть 360 казенныхъ воспитанниковъ. Сверхъ того при Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ учреждены: а) въ 1837

году образцовая рота лѣсной стражи, имѣвшая цѣлью приготовленіе стрѣлковъ и объѣздчиковъ, для содѣйствія лѣсничимъ въ надзорѣ за лѣсами; б) въ 1840 г. особое отдѣленіе для образованія гражданскихъ инженеровъ, назначаемыхъ къ занятію штатныхъ мѣстъ при Палатахъ Государственныхъ имуществъ; в) въ томъ же 1840 году офицерскій классъ гражданскихъ топографовъ, для образованія распорядителей при большихъ съемкахъ и кадастрѣ государственныхъ имуществъ.

Въ такомъ составѣ Лѣсной и Межевой Институтъ находился до 1847 года. Но какъ опытъ указалъ необходимость допустить нѣкоторыя измѣненія и упрощенія въ организаціи означеннаго заведенія, то по Всеподданнѣйшему докладу Министерства Государственныхъ имуществъ, Высочайше утверждено 10 марта 1847 года новое положеніе о Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ. По сему послѣднему положенію объемъ каждаго изъ отдѣленій Института Межеваго и Лѣснаго, хотя и сокращенъ до 100 воспитанниковъ, причемъ межевое отдѣленіе наименовано инженеръ-топографскимъ, но по закрытіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, низшихъ классовъ лѣснаго отдѣленія, число офицеровъ, выпускаемыхъ ежегодно изъ этого отдѣленія, осталось прежнее. Выпускъ же воспитанниковъ изъ инженеръ-топографскаго отдѣленія, уменьшенъ, потому что съ преобразованиемъ Корпуса Гражданскихъ Топографовъ въ Корпусъ межевщиковъ, число требующихся для него офицеровъ значительно сократилось, а главная масса межевыхъ средствъ Министерства Государственныхъ Имуществъ образована изъ молодыхъ государственныхъ крестьянъ и питомцевъ воспитательныхъ домовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1847 году существовавшая при институтѣ образцовая рота лѣсной стражи упразднена, потому что для приготовленія кондукторовъ, объѣздчиковъ и стрѣлковъ учреждены особыя егерскія училища, кромѣ бывшаго уже съ 1835 г. Лисинскаго. Но къ этимъ низшимъ школамъ по лѣсной части я возвращусь въ одной изъ послѣдующихъ статей.

Увеличенный комплектъ воспитанниковъ Лѣснаго Межеваго Института доставилъ Министерству значительное приращеніе специалистовъ въ составъ служащихъ.

Изъ официальныхъ свѣдѣній извѣстно, что отъ начала нынѣшняго столѣтія до 1825 года — выпущено изъ прежнихъ лѣсныхъ училищъ—167 человекъ и съ 1825 до 1838 года—80 человекъ, всего въ 38 лѣтъ 247 человекъ, изъ которыхъ ко времени учреж-

денія Министерства состояли еще на службѣ 84 человекъ. Съ 1838 же до 1851 г. выпущено въ 12 лѣтъ окончившихъ курсъ въ лѣсномъ отдѣленіи 356 человекъ, а въ межевомъ и инженерномъ—480 человекъ.

До 1847 г. Лѣсное вѣдомство для работъ по устройству лѣсовъ должно было приискивать себѣ землемѣровъ по вольному найму или требовать прикомандированія на время лицъ изъ корпуса гражданскихъ топографовъ, состоявшаго въ распоряженіи Департамента Сельскаго Хозяйства. Но 11 апрѣля 1847 г., въ Высочайше утвержденномъ штатѣ корпуса межевщиковъ, въ примѣчаніи IX, предоставлено было Министру Государственныхъ Имуществъ содержать при корпусѣ межевщиковъ, на присвоенныхъ положеніемъ и штатомъ сего корпуса правахъ и окладахъ, еще одно особое отдѣленіе, состоящее изъ одного начальника съемки, съ его помощникомъ, 5 начальниковъ партій, 5 топографовъ, 2 практикантовъ, 2 чертежниковъ и 25 межевыхъ учениковъ, собственно для съемки лѣсныхъ дачъ, но съ тѣмъ, чтобы такое отдѣленіе находилось въ распоряженіи Лѣснаго Департамента и чтобы всѣ расходы, для сего необходимые, относимы были на счетъ суммъ того же Департамента. Кромѣ того, по штатамъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, при ихъ лѣсныхъ отдѣленіяхъ, назначено состоять по одному лѣсному землемѣру, которому въ помощь придано по два крестьянскихъ мальчика, обучаемыхъ межеванію.

Пока скоплялись спеціальныя силы выпусками лицъ, оканчивающихъ курсъ Лѣснаго и Межеваго Института, П. Д. Киселевъ счелъ возможнымъ начать исподволь правильное устройство казенныхъ лѣсовъ тѣми силами, какія къ тому найдутся. Уже въ 1840 году приступили къ таксаціи лѣсовъ Лисинскаго учебнаго лѣсничества, подъ руководствомъ Е. А. Петерсона, въ помощь которому приданы были Гг. Серебренниковъ и Вейхенталь, а съ 1841 года и Войнюковъ. Но тогда еще не помышляли распространить устройство лѣсовъ на лѣса всей Россіи. Объ этомъ задумано было не ранѣе конца 1841 или начала 1842 года.

Мысль эта, сколько извѣстно, была подана Е. А. Петерсономъ, который и обратилъ вниманіе Министра на то, что расходы, сопряженные съ этимъ дѣломъ, могутъ быть покрыты избыткомъ ожидаемыхъ доходовъ отъ устроенныхъ лѣсовъ. Рѣшено было начать устройство съ весны 1842 года. И дѣйствительно работы на-

чались, но по необходимости пришлось поручить исполненіе этихъ работъ молодымъ людямъ, только что сошедшимъ со школьной скамьи. Я только что возвратился изъ за границы, а прочіе, назначенные какъ и я въ первыя отправленные въ губерніи таксаціонныя партіи, Гримме, Опшманъ, Шельбахъ, Ковалевъ, Каневецкій, Макушевъ, Нольде, Шульцъ, Шелгуновъ, Графъ Варгасъ де Бедемаръ, — кончили курсъ одни года два тому назадъ, другіе только что къ веснѣ 1842 г. Этими молодыми, неопытными силами пришлось начинать работу трудную, требовавшую людей опытныхъ. Но гдѣ же ихъ было взять? По необходимости нужно было изъ среды лучшихъ тогдашнихъ силъ образовать таксаторовъ и лѣсоустроителей и идти въ дѣлѣ этомъ медленно, пока вполнѣ создастся хорошій составъ института таксаторовъ. Это и имѣлось въ виду съ самаго начала приступа къ лѣсоустроительнымъ работамъ;—этимъ руководились и при составленіи таксаціонной инструкціи.

Первая инструкція, которая представляла совершенно короткое перечисленіе хода работъ, составлена была весною же 1842 г. Е. А. Петерсономъ. На началахъ, въ этомъ перечнѣ принятыхъ, разработана была уже мною въ 1844 году подробная инструкція лѣсоустройства, напечатанная въ первый разъ въ 1845 г., а потомъ вышедшая вторымъ изданіемъ въ 1854 г. и извѣстная нынѣ подъ названіемъ инструкціи 1854 г., хотя она и ни въ чемъ не измѣнена противъ изданія 1845 года; только въ ней прибавлена инструкція для ревизіи лѣсоустройства.

Я только что упомянулъ, что при составленіи инструкціи также имѣлось въ виду, напередъ создать хорошій институтъ опытныхъ таксаторовъ, прежде чѣмъ перейти къ работамъ быстрымъ.

Да,—это было рѣшающимъ стимуломъ, для включенія въ инструкцію многихъ подробностей, которыя легко можно было въ послѣдствіи выпустить и чрезвычайно упростить работы, когда уже будутъ опытные, вполнѣ свѣдущіе таксаторы. И теперь, 40 лѣтъ спустя, я остаюсь при томъ же мнѣніи, что *въ дѣлѣ устройства лѣсовъ самое важное заключается въ подготовкѣ хорошихъ, опытныхъ и благонадежныхъ таксаторовъ*. Весь успѣхъ такихъ работъ зависитъ отъ исполнителей, и, только имѣя ихъ, можно упрощать ходъ работъ. Упрощенныя таксаціонныя дѣйствія требуютъ несравненно большей опытности, если только желаютъ, чтобы работы были дѣйствительно полезными, а не пустою игрушкою, кра-

сивой на бумагѣ, но неприглядной на дѣлѣ. Опытныхъ же таксаторовъ можно образовать только на работахъ, требующихъ и болѣе разнообразныхъ и болѣе тщательныхъ приемовъ. Напрасно было бы думать, что стоитъ только дать упрощенную до пес plus ultra инструкцію, чтобы работы закипѣли. Смѣю увѣрить, что изъ этого ничего не выйдетъ, если напередъ не будутъ подготовлены люди, хорошо знакомые съ точными приемами лѣсоустройства и тѣмъ менѣе будутъ полезны результаты, чѣмъ хитростиѣ измышленія мнимой простоты.

Такими соображеніями руководился и Лѣсной Департаментъ сороковыхъ годовъ. Таксаторовъ приучали къ дѣлу на довольно сложныхъ, по разнообразію, работахъ; выбирали въ таксаторы лучшихъ изъ воспитанниковъ, оканчивающихъ въ Лѣсномъ Институтѣ курсъ; удерживали людей въ таксаціонныхъ партіяхъ долго; старались возвысить институтъ таксаторовъ во мнѣніи всего лѣснаго вѣдомства. И точно, кто же не помнитъ, какъ считалось за особую честь попасть въ таксаціонныя партіи, — вѣдь время это не очень давно прошедшее. Общій голосъ былъ, что въ таксаціонныхъ партіяхъ собраны сливки всего корпуса лѣсничихъ. Да оно такъ и было. И никогда Лѣсной Департаментъ не будетъ имѣть лучшихъ органовъ для узнанія правды о всемъ творящемся въ лѣсахъ по губерніямъ, какъ институтъ таксаторовъ, поставленныхъ въ положеніе довольно независимое отъ губернскаго начальства.

На счетъ группировки лѣсоустроительныхъ партій, — мнѣнія съ самыхъ первыхъ годовъ расходились. Одни стояли за то, чтобы разомъ начать работы въ различныхъ полосахъ государства, выбирая въ каждой лѣсныя дачи, заслуживающія особаго вниманія по близости ихъ къ сплавнымъ рѣкамъ и удобству сбыта; другіе настаивали, чтобы начать сперва въ однихъ среднихъ губерніяхъ и, захватывая цѣлыми губерніями, подвигаться изъ одной въ другую. Первое мнѣніе одержало верхъ и вслѣдствіе того явилась разбросанность работъ. Это мнѣніе имѣло за собою ту заманчивую сторону, что съ первыхъ уже годовъ можно было рассчитывать на сильное приращеніе прибыльнаго отъ устроенныхъ дачъ капитала, а это было весьма существеннымъ вопросомъ, ибо безъ денегъ нельзя было осуществить разныя широко задуманныя предпріятія по лѣсоразведенію и по учрежденію нѣсколько низшихъ лѣсныхъ школъ. За то другое мнѣніе представляло ту вы-

году, что сосредоточеніемъ лѣсоустроительныхъ работъ возможно бы гораздо интензивнѣе контролировать ихъ правильность и—что едва ли не самое важное— съ окончаніемъ устройства лѣсовъ въ цѣлой губерніи, предполагалось разомъ замѣщать въ лѣсничествахъ должности лѣсничихъ молодыми силами, чтобы старыхъ дрожжей въ губерніи не оставалось.

Лѣсоустройство въ первые годы не могло захватывать громадныхъ площадей. Оно въ 1842 г. окончило работы на пространствахъ около 100,000 десятинъ; въ 1843 г. до 150,000 дес., затѣмъ съ каждымъ годомъ работы усиливались и къ 1849 году уже было устроенныхъ лѣсовъ 2.456,000 десятинъ. Но съ 1849 года—пришлось значительно сократить таксаціонныя дѣйствія, а спустя еще нѣсколько лѣтъ почти совершенно приостановить ихъ, потому что явилась необходимость приняться за работы по надѣлу государственныхъ крестьянъ одиодесятинными лѣсными участками,—каковыя работы привлекли почти всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи Лѣснаго Департамента межевыя силы.

Доходы отъ устроенныхъ дачъ настолько быстро возростали, что суммы излишковъ противу 1844 года, поступавшія въ прибыльной капиталъ, представили возможность не только содержать на счетъ ихъ весь составъ лѣсоустроительныхъ партій, но открыли и возможность къ учрежденію новыхъ лѣсныхъ училищъ и къ расширенію работъ по лѣсоразведенію.

Для низшаго по лѣсной части образованія учреждено было уже графомъ Канкринимъ Лисинское егерское училище, открытое съ 1835 года. Заведеніе это имѣло цѣлю готовить, главнымъ образомъ практически, управителей для частныхъ лѣсовъ. Туда отдавали въ обученіе своихъ крѣпостныхъ людей преимущественно крупные лѣсовладѣльцы. Казеннокоштныхъ воспитанниковъ— въ началѣ вовсе не было. Большею частью воспитывались тамъ пансіонеры богатыхъ заводовладѣльцевъ: графини Строгановой, князей Голицинныхъ, графовъ Шуваловыхъ, Балашова и т. п., нуждавшихся для своихъ заводскихъ лѣсовъ, болѣе чѣмъ кто либо, въ людяхъ, обученныхъ лѣсному дѣлу. Въ Лисинскомъ егерскомъ училищѣ кончилъ курсъ и извѣстный въ послѣдствіи А. Е. Теплоуховъ, который, послѣ выхода изъ егерскаго училища, отправленъ былъ графинею Строгановой за границу для усовершенствованія, гдѣ и окончилъ свое образованіе въ Тарантской академіи, вернувшись въ Россію въ 1840 году. Казенное горнозаводское упра-

вление также имѣло въ Лисинскомъ егерскомъ училищѣ нѣсколькихъ своихъ пансіонеровъ. Для образованія же лѣсной стражи казеннаго лѣснаго управленія, никакихъ учебныхъ по лѣсной части заведеній не существовало. Поэтому въ 1837 году, какъ я уже выше упомянулъ, учреждена была при Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ образцовая рота лѣсной стражи, имѣвшая цѣлью готовить стрѣлковъ и объѣзчиковъ для содѣйствія лѣсяничимъ въ надзорѣ за лѣсами.

Вскорѣ однако же выяснилось, что въ С.-Петербургѣ, при Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ, вдали отъ лѣсовъ, существованіе образцовой роты лѣсной стражи не цѣлесообразно. Тамъ только и возможно было дать людямъ военную выправку и обучать ихъ грамотѣ, но не представлялось никакой возможности занять обучающихся практически тѣми работами, какія имъ нужно изучить для будущей ихъ службы. Поэтому рѣшились преобразовать Лисинское егерское училище, расширивъ прежнее помѣщеніе его и назначивъ туда казеннокоштныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей лѣсной стражи, мальчиковъ государственныхъ крестьянъ и питомцевъ воспитательныхъ домовъ, для приготовленія на казенную лѣсную службу свѣдущихъ кондукторовъ и стрѣлковъ. Новое положеніе о Лисинскомъ егерскомъ училищѣ Высочайше утверждено въ 1845 году, — и за тѣмъ въ 1847 году упразднена образцовая рота лѣсной стражи. Но одного егерскаго училища для снабженія казеннаго лѣснаго управленія свѣдующею стражею и кондукторами, очевидно было недостаточно и оно не соотвѣтствовало огромной потребности въ людяхъ, подготовленныхъ къ занятію упомянутыхъ должностей.

Въ этихъ видахъ уже въ 1848 году открыты еще два новыхъ егерскихъ училищъ, одно въ Островскомъ имѣніи Московской губерніи, другое въ Соколинскомъ имѣніи Гродненской губерніи. Нѣсколько лѣтъ спустя открыто еще и четвертое егерское училище близъ города Липецка, Тамбовской губерніи.

Лисинское егерское училище при графѣ Канкринѣ было двухклассное съ двухгодичнымъ курсомъ. Съ 1845 г. оно преобразовано въ трехклассное. Теоретическое преподаваніе ограничивалось самымъ необходимымъ разъясненіемъ учебнаго матеріала, въ размѣрахъ нужныхъ для лѣсной стражи, а главнымъ образомъ занятія учениковъ направлены были къ практическому изученію всѣхъ приѣмовъ межеванія, разведенія лѣсовъ, охраненія ихъ, выбора и

отвода лѣсосѣкъ, опредѣленія запаса древесины и т. п. Исторія, языки и прочіе предметы преподаванія среднихъ учебныхъ заведеній не входили въ программу егерскихъ училищъ. По образцу Лисинскаго созданы и остальные егерскія училища. Для поступления въ егерскія училища требовалось только умѣнье читать и писать и первыя четыре правила арифметики.

Независимо отъ подготовки для лѣсной службы кондукторовъ и сторожей, забота П. Д. Киселева обратилась также и на приготовленіе людей, которымъ бы можно было поручать разведеніе лѣса въ южныхъ степныхъ губерніяхъ. Для этой цѣли учреждена была школа лѣсниковъ въ Велико-Анадольскомъ лѣсничествѣ, въ Александровскомъ уѣздѣ, подъ руководствомъ В. П. фонъ Граффа, и кромѣ того въ Бердянской плантаціи, Таврической губерній, подъ руководствомъ колониста Вибе.

Со временъ Императрицы Екатерины II, Правительство наше не переставало хлопотать о степномъ лѣсоразведеніи; поощряло это дѣло и деньгами, и медалями, и орденами. Но дѣло все какъ-то не прививалось. П. Д. Киселевъ съ особенною любовью относился къ разведенію лѣса въ степяхъ. Прежде всего, онъ приказалъ усилить работы по укрѣпленію Алешковскихъ песковъ, начатыхъ еще при графѣ Канкринѣ, но въ то время подвигавшихся очень медленно и съ малымъ успѣхомъ. Съ 1843 года началось въ болѣе обширномъ видѣ укрѣпленіе Алешковскихъ песковъ шелугою, подъ руководствомъ бывшаго лѣсничаго Крепина (въ послѣдствіи Таврическаго губернскаго лѣсничаго). Прежній дорогой пріемъ предварительной планировки песчаныхъ кучугуровъ былъ брошенъ. Поверхность земли перестали выравнивать, а, оставляя кучугуры нетронутыми, между ними начали вести борозды, съ укладкою въ послѣднія шелюговыхъ вѣтвей, тѣми пріемами, которые нынѣ всѣмъ хорошо извѣстны. Работы выказали по истинѣ блестящій успѣхъ. Пески укрѣплялись съ каждымъ годомъ все на большей и большей площади. Но П. Д. Киселеву желательно было, чтобы и на черноземной степи появились лѣски. Онъ полагалъ, что одна изъ причинъ, почему частныя землевладѣльцы такъ туго принимались за разведеніе лѣса, быть можетъ та что въ степной мѣстности негдѣ получить деревца для посадокъ. Эту причину нужно прежде всего устранить. Для этого приказано было и дѣйствительно заведены во многихъ мѣстахъ, на свободныхъ казенныхъ участкахъ земли, плантаціи казеннымъ лѣснымъ

управленіемъ. Изъ всѣхъ казенныхъ плантацій отпускали желающимъ частью даромъ, частью по дешовой цѣнѣ, дерева на разсадку. Къ сожалѣнію ни удачный примѣръ казеннаго лѣснаго управленія, ни открывшаяся возможность къ приобрѣтенію почти даромъ саженцевъ — не вызвали у частныхъ лицъ, кромѣ немногихъ исключеній, желанія къ занятіямъ по лѣсоразведенію. Даже нѣкоторыя принудительныя мѣры къ обсаживанію деревцами школъ, волостныхъ правленій, кладбищъ, дорогъ не побудили государственныхъ крестьянъ къ исполненію требованій. И не удивительно;—вѣдь въ степи—тѣми приемами, какими пользовались въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ,—нельзя было дешево разводить лѣсъ. Мало того, что можно было даромъ, или почти даромъ, получать сѣянцы и саженцы изъ казенныхъ плантацій,—нужно было еще и года два обрабатывать почву, прежде чѣмъ посадить деревца. Да и усадивъ саженцы, нужно и послѣ того каждый годъ тщательно ухаживать за ними: очищать сорныя растенія между рядами деревъ, взрыхлять почву, караулить зайцевъ, этихъ неотразимыхъ враговъ степнаго лѣсоразведенія и проч. и проч. Какъ сведете всѣмъ работамъ счетъ, такъ разведеніе десятины лѣса обойдется и не дешево. А поспѣетъ лѣсъ къ вырубкѣ лѣтъ чрезъ 25, 30, 40; ожидать слишкомъ долго для нетерпѣливыхъ и не привыкшихъ разсчитывать на отдаленную выгоду. Поэтому, кому любо нарлаждаться въ степи освѣжающимъ видомъ деревъ, тому слѣдуетъ стремиться къ изысканію способовъ удешевленія самыхъ работъ по лѣсоразведенію и къ возможно скорому извлеченію выгодъ отъ посадокъ. Однимъ изъ способовъ къ достиженію этого — начатіе рваныхъ и частыхъ проходныхъ рубокъ; но кромѣ того, полагали, что, быть можетъ, охота къ разведенію древесной растительности скорѣе разовьется, если бы оказать содѣйствіе къ разведенію плодовыхъ деревъ, такъ какъ польза отъ плодовъ выкажется въ болѣе короткій срокъ, а если мѣстные жители заохотятся плодовымъ древоводствомъ, то явятся садики и аллеи, а уже потомъ и лѣски. Поэтому въ казенныхъ плантаціяхъ поручено было, кромѣ лѣсныхъ древесныхъ породъ, воспитывать и саженцы плодовыхъ деревъ. Но дѣло это по прежнему оставалось безуспѣшнымъ.